

Автор предлагаемых заметок — поэт и публицист Станислав Золотцев. Музыка — его давняя страсть. Естественно, он пишет о ней не как профессиональный искусствовед, а прежде всего как литератор, человек с образным восприятием. Именно в таком ассоциативном, поэтически-эмоциональном ключе представлена в очерке (по крайней мере, предпринята такая попытка) музыка и художественный мир нашего великого современника Георгия Свиридова.

...Прошло уже немало времени, но до сих пор вспоминается мне это яркое, счастливое событие: встреча с Георгием Васильевичем Свиридовым. С единственным, по моему глубокому убеждению, творцом современной русской музыки, кого мы вправе называть гениальным композитором. До того мне доводилось видеть Мастера не раз, но чаще на его концертах, а тут он сам сказал по телефону: "Приходите." Как тут было не возрадоваться: целый год ждал, приглашал Георгия Васильевича на Пушкинский праздник в Псков и в Михайловское, но он огорченно-извиняющимся голосом говорил: не могу, нездоровье мучит. А тут — сам зовет. И гостевание это у Мастера в его квартире на Большой Грузинской (под высоченными, "сталинскими" лет, потолками) заняло не час и не два и отозвалось метелью мыслей, чувств, ассоциаций, раздумий далеко не только над творческим путем хозяина дома.

...Когда Георгий Васильевич открыл мне дверь (а не виделась больше года), по-домашнему одетый, в больших белых валенках, — сердце мое поневоле сжалось: сидит герой многих моих эссе и очерков, исхудал, поредело серебро волос. Но — вот диво! — чем долее шел разговор, тем больше мой собеседник виделся мне совсем иным — таким, каким предстает он на портрете, висящем у него на стене, на офорте работы талантливейшего и безвременно ушедшего Юрия Селиверстова (из его графической серии "Русская дума", воссоздающей лики отечественных подвижников, пророков и страстотерпцев — Гоголя, Достоевского, Бахтина, Солженицына...). Лицо героя словно вырастает из зимней рощи, а может, из яблоневого сада, опущенного и овеянного метелью. Хмурый, "морозный" взор: однако в стеклах очков отражается то ли блеск солнечных лучей, пробившихся сквозь пелену туч и снегопада, то ли свет крестьянских окон, но художник так искусно сумел "осенить метелью" лик своего героя, что этот свет становится и видится нам не отраженным, а внутренним, из духовной глубины создателя прекрасной музыки идущим светом. Глубинным огнем его бессмертного метельного, пушкинского мотива...

И когда я покидал его дом, во мне жило твердое ощущение, что встретился я не с изможденным годами и немощами человеком, а с богатырем Русской Духовности, исполненным небывалых сил, излучающим солнечно-снежный, гармоничный и мятежный одновременно — метельный — свет. И автору сих заметок была подарена в последний зимний вечер частица того животворящего и родного света. И как же вовеки, и как же чудно, и как же глубоко пала она на мое сердце, изболелшее от недавней потери самого дорогого мне человека, моего отца, сельского псковского учителя, почти ровесника Свиридова. И ощутил я ее как частицу отчего света. И всегда будет жить не только во мне преклонение перед Георгием Васильевичем, но и сыновняя ему благодарность.

Снежная музыка России — судьба ее мастеров... Быть может, кто-то посчитает мое признание наивным, а мое отношение к творению композитора буквалистским, но когда я смотрю в метель, даже за окном гуляющую, тем более когда утопаю в ней, душой и телом становясь ее пленником, — всегда слышу свиридовский "Романс". Ведь в самом деле: поразительно по внутреннему ритму совпадение

кровавых взрывов и державных потрясений, не ставшая прахом под ударами радиоактивной лавины диссонансов и воющего хаоса "массовой культуры". Оставшаяся цельной, сохранившая в своей метельной глубине русский огонек, святую свечу Веры, свет-светец в окне избы. Свете тихий...

...Из окна крестьянской избы — есенинской. На прошлогоднем юбилейном фестивале Г. Свиридо-

Есениным в 1919-м: "Опустели огороды, хаты брошены, заливные луга не покосены... Где ж теперь, мужик, ты приют найдешь?" — слушаем нашу застарелую боль, нашу нынешнюю метельную смуту...

Что это? Вызов независимого художника конъюнктуре и фальшиво-временщицким поветриям? Наверное, так, но, думается, прежде всего это стремление русского создателя духовности видеть, слышать и чувствовать историю Отечества в ее цельности. Как нашу родную Метель! В ней слышатся порой и вой, и стоны, и плач, и бесовские визги, и колко гвоздит она по лицу, и лупит белыми плетями аж по глазам, но нельзя из нее изъять ни единой ноты, тогда она перестанет быть собой. Она — сама Русь со всеми ее безмерными взлетами и лютыми падениями. Русь есенинская, Русь пушкинская, блоковская. Горевая Россия наших дней.

Вспоминается один из последних дней осеннего противостояния в Москве 1993 года. Белый дом уже в осаде. У зоопарка только что произошло столкновение демонстрантов со стражами порядка: в серо-грязных лужах расплываются багровые пятна. Вопли, визги, рев и крик, мат невообразимый. По брусчатке громахают бэтээры; в подземный переход, бряцая и скрежеща по ступенькам шитами, вбегают спецназовцы, а через несколько минут туда же врывается людской поток — и с имперскими, и красными флагами... Вдобавок — уже который день — холодина, снег с дождем, грязь, пронизывающий ветер. Безумие!

А в углу подземного перехода, у стены стоит худенький мальчик и на флейте выводит свиридовскую "Метель"! Он такой тоненький, с таким светлым и нежным лицом — честно говоря, я не уверен, что то был мальчик, а не девочка. В вязаной шапочке с помпоном и в вязаных же рейтузах юный музыкант, перебирая хрупкими замерзшими пальцами по клапанам своей дудочки, извлекал из нее пронзительно-сказочные звуки. Посреди всеобщего осатанения, крови, грязи и жестокости словно бы волшебный цветок выростал: лилась мелодия русской красоты и любви, серебристо-чистая, певучая ворожба природной гармонии...

Никого не остановил этот мальчик. И все-таки он играл. И над безумием и насилием торжествовала свиридовская "Метель". Мелодия Русского Света.

...А знать бы вам, сколько моих товарищей по перу лелеют сладкую и тайную мечту: написать стихи к этому романсу. Знаю: кое-кто из них даже написал такие стихи. И я спрашивал их: почему не печатаете? Ответ у всех был примерно один и тот же: "Понимаешь, надо же ведь соответствовать... Перед тем, как печатать, Георгию Васильевичу показать, а вдруг ему не понравится, не одобрит, что тогда? Старик ведь суров! Отрежет, "зарубит" — мне же самому перед собой стыдно будет..."

Слышать такое от своих коллег, от людей, каждый из которых в силу разных причин давно не испытывает благоговения перед кем бы то ни было, никаких авторитетов не признает... Поди ж ты! Есть еще, оказывается, в нашем мире люди, суровое слово которых может тебя заставить стыдиться за плохо или даже не совсем совершенно сделанную работу...

...Но и в другом тут, пожалуй, дело. Только один русский человек, лишь один русский поэт мог бы написать стихотворение на эту музыку. Вернее сказать: только один имел бы на это полное право. Но он уже более полутора веков покоится на вершине Синичьей горы. На вершине одного из тех песчаных холмов моей родной Псковщины, что зовутся Святыми горами. Святогорьем. Пушкиногорьем.

Вот та духовная высота, на которой живет и творит композитор Георгий Васильевич Свиридов.

Станислав ЗОЛОТЦЕВ.
ПСКОВ — МОСКВА.

МУЗЫКА ЗЕМЛИ МЕТЕЛЬНОЙ

Штрихи к портрету
Георгия Свиридова

музыки и предмета, которому она посвящена. Словно снежные волны нисходят с неба одна за другой, а стихия нарастает, мелодия плывет и летит крещендо, от снеговой медлительной дремы, объявшей и сковавшей хвойные лапы и садовые голые кроны, — к ускоряющемуся кружению белых вихрей, к властно-могучей и ослепительной красоте земли и небес! А потом вновь — медленное, постепенное смирение, затухание, успокоение мятежно-буревой громады. Мелодия звучит минуты, а в нотах ее — и дни затяжной вьюги, и годы, в которых хлебная щедрость летнего поля зависит от зимней щедрости снегопадов, а вой сердца в леденящей тоске разлук сменяется звенящим светом встречи, когда счастье плещет в глаза... И многие-многое десятилетия в этой музыке, метелями летевшие над нашей горевой российской землей, и они возвращают нас туда, где под ветхим пологом кибитки пробирается сквозь вьюгу то ли в свое Михайловское, то ли к пугачевским станицам, то ли к бессмертию своему кудрявый синеглазый сочинитель...

Не зачеркиваю и ничуть не желаю умалить труд любого из отечественных композиторов XX века. Но Георгий Свиридов, по моему убеждению, едва ли не единственный пушкинианец в русской музыке послеоктябрьского времени. Не потому, что его творения "классицистичны", не потому, что они "развивают традиции" Глинки, Чайковского и Мусоргского; нет, они сами по себе — классика. Пушкинская гармония, явленная в мелодии. Воля, не разведенная ржавчиной всепоглощающего скепсиса, не растрескавшаяся от

ва исполнялась и "Поэма памяти Сергея Есенина", написанная композитором на стихи рязанского гения. И когда написанная! В середине 50-х: автор "Анны Снегиной" и "Москвы кабацкой" еще как бы полузапретен, еще не признан властью, энтузиасты-исследователи и издатели еще только начинают с оглядкой разбивать черную ледяную плотину на пути есенинской поэзии к народу. А Георгий Свиридов создает музыкальный шедевр-памятник златовласому певцу России.

И вот прошло сорок лет, перемены в стране едва ли не все, и, наверное, в зале Консерватории 90-х годов многим людям, пережившим и "разгул демократии", и штормы всяких разрушительных сил, как-то непривычно и странно было слышать исполняемые Большим хором Академии хорового искусства есенинские могучие глаголы времен гражданской войны: "Мать моя — Родина, я — большевик!" Что и говорить, многие современные авторы подобных, написанных в советское время откровений (песенных или стихотворных) теперь отрекаются от них, делая вид, что "ничего подобного" "не было", не писали... Но Свиридов, создавший эту "Поэму" во времена, для нее "неблагоприятные", Свиридов, в самые "атеистические" годы творивший православные хоралы и распевы (и ныне во многом благодаря ему проходят фестивали православной музыки), не отказался сегодня и от тех отражавших свое время "большевистских" нот и слов. И мы слушаем оправленные в свиридовскую музыку драгоценные и горчайшие откровения, выдохнутые